

Анастасия БУГРЕЕВА

Родилась в 1986 году в г. Кстове Нижегородской области. Училась в Нижегородском театральном училище, на художественно-декорационном отделении. Реставратор.

Живет в Нижнем Новгороде.

ГИРЛЯНДА

По тёмным улицам Средневековья расползаются чумные огни...

Есть поговорка, что канун праздника лучше самого праздника. Город постепенно становится похожим на новогоднюю ёлку. Человейник жужжит предпраздничной суетой. Двое молодых людей, оба слепые, не отстают. Если бы вы видели, как слепой, ночью, в одинокой квартире, поставив чайник на плиту, рисует, то поняли бы, что у зрячего сутки делятся на день и ночь, а у слепого же это бесконечные ночь и день одновременно. И справляется с некоторыми задачами дня он ночью с уверенностью летучей мыши.

Но вот всё готово, только гирлянду не успела купить им подруга – забегалась, не придала значения. А слепым гирлянда нужна больше, чем зрячим, как бы странно это ни звучало. Но огни города не погасли из-за одного бельма – окна квартиры слепых – и побежали дальше, оживляя дома и дороги. Теперь весь город похож на гирлянду. Её свет, то загорающийся, то гаснущий и проступающий из темноты вновь, похож на жизнь-смерть или пробивающийся из-под земли росток.

...На пятом этаже дверь в квартиру даже не закрывается. Гости заходят в неё, как дым, и выходят покурить на лестничную площадку. Звон-переключкиа фужеров с морозным воздухом за окном.

...Зажглось, потухло окно ниже. Малыш распаковывает подарки, сидя на полу рядом с ёлкой. Огоньки пульсируют в его голове, и у малыша начинается эпилептический припадок.

...Огни сбегают по трассе. Поднимаются по улице до площади. Не задерживаясь, бегут дальше.

Ночью, когда город, как тонущий корабль, погружается в темноту, одно окно не гаснет никогда. То, что и не зажигается. Окно, где слепой рисует день. Свет с улицы выхватывает из темноты блик чайника, прямоугольник коридора. Слепой мужчина, поддерживая свою подругу за руку, открывает балконную дверь. Чиркает спичка. Загораются две красные звезды.

– Однажды возвращалась накануне Нового года с моря. Город светится сейчас, как и тогда, наверно.

– Гирлянду мы не купили, поэтому представлю город, обвитый старой советской гирляндой. Ещё был гномик, усыпанный серебром на маленькой, но живой ёлке. Ни года не проходило без живой елки. Отец крал её иногда у леса, когда не находил такой красавицы на городском рынке. Красный фонарик – светофор. Синий и зелёный – река и лес у дома. Жёлтый – степь. Есть время на прошлое. Много было оттенков. Сейчас все они в ярких цветах старой гирлянды.

– Да. Но мы не знаем, какая «гирлянда» сейчас накинута на город. Можно представить. Но это как представлять историю, прошлое или будущее – то, чего мы не увидим. Например, жёлтый, красный – чумные факелы средневекового города. Синий, зелёный – стрекозиные глаза – неоновые стёкла высоток будущего.

– Мы уже одной ногой, глазами вернее, – часть прошлого.

– Да. Но пока мы живы. Возможно, кроме красно-жёлто-зелёного появились новые оттенки. Их мы уже не увидим. Но гирлянду, если бы успели её купить вчера, мы бы «видели» – она горела бы над кухонным столом, и наши лица и плечи загорались бы то красным, то синим, погружались бы в темноту.

– Слепой видел смерть. Пока нас будут выключать, «фонарик за фонариком», мы будем видеть, слышать, чувствовать ими смерть, точнее – жизнь без нас... А когда погаснем целиком, перегорит всего один фонарик на гирлянде. Зажжётся другой.

Красные звёзды на пятом погасли в пепельнице. Скрипнула балконная дверь.

С места тронулись чумные факелы, вниз по средневековой улице.

ТАКСИ

Город гудит. Напряжение бежит по проводам, нервам, тросам канатной дороги, дрожит в колёсах большегрузов, мышцах баскетболистов, играющих во дворе за высоткой, в вентиляционной трубе, скрипе лестницы, коридорном сквозняке, руке, сжимающей входную ручку двери, электрическими разрядами проносится в волне волос, перебираемых пальцами, жужжит тишиной.

Ох уж эти минуты и секунды! Существуют ли они вообще? Конвульсия секундной стрелки, нагоняемой минутной, царапает пустой циферблат...

Опаздываю. Запрыгиваю в такси и, не успевая рассмотреть водителя, осознаю, что за рулём мертвец. В машине рядом со мной на сиденье пыльная куртка, будто заиндевшая от времени. В салоне душливый запах разложения.

Усмехаясь сама себе, выкидываю этот бред из головы. «Просто покилой человек, запах болезни, старости и грязной ветоши. Может, он в полушаге от смерти, но довезти до работы он меня всё же успеет. Ещё один анекдот в сборник чёрного юмора», – думаю я.

Но руль кажется живее руки водителя, а отражения в его глазах – взгляда. Так игра теней и света на стене кажется иногда живее создающих эти тени людей, снующих мимо неё.

Утренний туман и изморось, уже наполовину со снегом. Проезжаем через мост, под которым река, кажется, застыла гудроном до самого дна моих нервных окончаний. Воплощение картины Мунка «Крик»... Бред какой-то. Я же просто еду на работу. Откуда это странное чувство и пот на спине?

Дорога мирным руслом течёт дальше по городу. Но водитель разворачивает машину, и мы едем вдоль обрыва по заросшей, еле заметной колее. Местами берег обрушился, и эта тропа, как нитевидный пульс, вскоре прерывается. Старик, маневрируя по краю обрыва, клопочет, давится внутренним смехом. Снова выезжаем на дорогу. Перекрёсток. Сплетение дорог и траекторий живых линий и пунктиров – толпы. У магазина курит вторую утреннюю сигарету молодая продавщица. Через дорогу пробежал кто-то в самую последнюю зелёную секунду. Пёс, свернувшийся под лавкой на остановке. Ещё одной секунды хватило водителю «тойоты», чтобы выплюнуть матюг из полуприкрытого стеклянным веком окна. В голове уже толпятся мысли о предстоящей работе. Возле торгового центра снуют шопоголики с полными или пока пустыми пакетами. Течение мирного утра пестрит своей рябью, как Ганг.

Дальше дорога ныряет под мост и серпантинном уходит под землю. Вспоминается метро, с толщей неоткрытых земель прошлого со всех сторон. Где-то в этой толще мертвецы и окаменевшие следы их жизней – как потерянный в спешке-погоне за жизнью или от неё, увязший навсегда в глине башмак. От моего попутчика тоже веет холодом тоннельных стен. Но мы снова вырываемся на свет, и дорога бежит вниз по старой улице. Тоннель – просто короткий перебой в пульсе города. Вдох...

Таксист, ухмыляясь, одеревенело глядя сквозь меня, выворачивает руль на торговый центр и... Мы... влетаем в стену.

НА КРАЮ

Они лежали вдвоём в ванной. Никто даже не догадывается, какой это было роскошью после месяца засухи в этой каменной пустыне. Дворы вывернулись наизнанку безлюдными пустырями. Воды в городе, куда время от времени доносились отголоски шедшей под сердцем, совсем рядом, войны, не было уже много дней.

Дом был похож на каменный остов, на энном этаже которого в одной из четырёх жилых квартир уютилась, как бездомный кот в подвале, жизнь. Обычная хрущевка. С обоями в полоску, кухонным столом, полутораместной кроватью и заклеенными, как в блокадном Ленинграде, окнами.

– Дай зажигалку.

– Четыре сигареты осталось всего. Утром надо купить, пачки две, в дорогу...

Вода в ванной ласкалась к телу. Пар и дым рисовали под потолком лес, реку и дороги далёкого дома. На стенах оседал конденсат, а на разгорячённых вином и вечером щеках выступали капельки пота.

За стенами дома – неизвестность и открытый космос. Тёмные загривки деревьев треплет осенний ветер. Косой плетью хлещет дождь. Арматура раненых домов в лунном свете похожа на заброшенные шаттлы космической станции... Но не время спать! Даже глаза закрывать – их просто можно не открыть. В любой момент часть дома, в которой уютились эти двое, может быть вырезана, словно засвеченный кадр на негативе фотопленки. Потому что после дождя урожай здесь иногда собирает смерть.

Как сознание способно выстраивать гармонию из хаоса? Не рехнуться, не потерять равновесие. А как его не потерять, если увидишь, что «другой конец каната ни к чему не привязан»?

Просто перекрываешь поток мыслей, как воду в кране...

Они лежали в ванне. Конденсат, сбегая по стене, чертил пьяные, понятные только им слова.

«Невыносимая лёгкость бытия», – пришло в голову, – о том, что происходило здесь и сейчас. О войне, жизни и смерти, которая была не где-то там, за стеной, а сидела на краю ванны.